

© 2014 г.

Е.А. СУСЛОПАРОВА

**ДЖОРДЖ ЛЭНСБЕРИ (1859–1940).
СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
ЛИДЕРА БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ**

За прошедшие десятилетия лейбористская партия Великобритании практически никогда не находилась под руководством представителей левого крыла. Обычно ее возглавляли либо правые лейбористы, либо центристы. XX век демонстрирует нам лишь два исключения из этого правила – это лидерство М. Фута в 1980–1983 гг. и руководство Дж. Лэнсбери в 1932–1935 гг.

Период, последовавший за расколом в 1931 г. второго лейбористского кабинета, явился для лейбористов сложным и драматичным. Нужно признать, что как лидер лейбористской партии Лэнсбери не оставил после себя яркого следа. Однако этого никак нельзя сказать о его жизни в целом. Среди представителей своего поколения он был одним из самых любимых в партии. “Это человек с телосложением великана, сердцем льва и душой ребенка”, – характеризовал Лэнсбери коллега Л. Эверард¹. “Это – не “крыло” партии, а самостоятельная партия, – писал о нем другой современник, – ... ни один из других лидеров партии не пользуется среди рядовых членов столь сильной симпатией, как он”². Отправьте его на митинг, и уже через несколько минут публика будет готова следовать за ним к “земле обетованной”, отмечал в 30-е годы известный лейборист Г. Ласки³. Если кого-то и можно назвать настоящим левым, так это Джорджа Лэнсбери, полагает современный британский историк Дж. Шнир⁴. Один из создателей лейбористской общенациональной газеты “Дейли геральд”, “некоронованный король Ист-Энда” – эти характеристики неотъемлемым образом ассоциируются с именем Лэнсбери.

В то же время, некоторые скептики, напротив, считали его сентиментальным и недальновидным. Сам Лэнсбери, наряду с публицистическими работами, оставил после себя две книги воспоминаний. Первая из них, “Моя жизнь”, пожалуй, была написана преждевременно, в 1928 г., когда многие важнейшие для Лэнсбери события оставались еще впереди. Вторая, “Глядя в прошлое и в будущее”, вышла в 1935 г.

Лэнсбери не был обделен вниманием на страницах британской историографии. Первая посвященная ему книга была издана в 1951 г. его зятем, левым журналистом, одно время являвшимся членом компартии, Р. Постгейтом. Она сочетает в себе как эле-

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ.

¹ The Book of the Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders, v. III. London, 1927, p. 317.

² Вертгеймер Э. Лицо английской рабочей партии. М. – Л., 1931, с. 167.

³ Lansbury G. My Life. London, 1931, p. XI.

⁴ Schneer J. George Lansbury. Manchester, 1990, p. 1.

менты традиционной биографии, так и личных воспоминаний автора о тех или иных обстоятельствах жизни известного тестя⁵. В 1990 г. в манчестерской серии “жизнь левых” вышла вышеупомянутая работа Дж. Шнира, построенная по проблемному принципу. В ней рассматриваются три главные темы в жизни Лэнсбери – социализм, феминизм и пацифизм. Наконец, в 2004 г. вышла самая подробная на сегодняшний день биография, написанная Дж. Шепердом⁶.

В данном очерке хотелось бы восполнить относительный пробел в отечественной литературе и проследить основные вехи в жизни мало известного руководителя лейбористской партии первой половины 30-х годов, попытаться понять, как он стал социалистом, какой “багаж” был у него за спиной к моменту, когда он возглавил лейбористскую партию и в силу каких обстоятельств ему пришлось уступить место лидера будущему лейбористскому премьер-министру К. Эттли.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ. ИЗ ЛИБЕРАЛА В СОЦИАЛИСТЫ

Джорд Лэнсбери родился 21 февраля 1859 г. в небольшом населенном пункте в Суффолке в многодетной семье разнорабочего. Родители много переезжали с места на место и, наконец, в 1868 г. поселились в лондонском Ист-Энде. Учеба Джорджа в школе не раз прерывалась. Он был вынужден прислуживать в пабе, затем работать кассиром на железнодорожной станции. Его будущий зять Р. Постгейт вспоминал, что по этой причине Лэнсбери до конца жизни писал с ошибками.

В 1875 г., после смерти отца, Лэнсбери вместе со старшим братом занялся доставшимся в наследство “семейным бизнесом” – разгрузкой привозимого в Лондон угля для дальнейшей отправки на баржах по Темзе. В том же году Лэнсбери начал ухаживать за Бесси Брайн, дочерью владельца местной лесопилки, с которой познакомился еще в школе. Влюбленные поженились через пять лет. Наконец тогда же Джордж, будучи прихожанином англиканской церкви, глубоко заинтересовался религией благодаря знакомству с местным vicarом Ф. Китто, оказавшим на него серьезное влияние.

Нередко работая по ночам и обладая отменным здоровьем, Лэнсбери посвящал дневное время посещению крикетных матчей, политических митингов, а также все чаще наведывался в галерею для посетителей в Палате общин послушать У. Гладстона. Р. Постгейт полагает, что именно одержимость идеей мира и свободы для малых наций явилась самой первой и стойкой составляющей мировоззрения его будущего тестя⁷.

В 1884 г. Лэнсбери вместе с молодой женой принял опрометчивое решение иммигрировать в Австралию в поисках лучшей жизни. К тому моменту его мать умерла, оставив на попечение младшего брата, у самого Джорджа родилось уже трое детей, а работа в Ист-Энде не приносила необходимых доходов резко возросшей семье. Прибытие же на далекий материк повлекло за собой сплошные разочарования. Деньги, накопленные на переезд, быстро закончились. После нескольких недель тщетных поисков заработка Лэнсбери устроился на каменобойню за шиллинг в день. Затем он нашел работу при скотобойне и, наконец, поселился с семьей у фермера в 80 милях от Брисбена. Однако хозяин фермы оказался настоящим деспотом, державшим своих рабочих после подписания контракта в состоянии перманентного долгового рабства. Помощь пришла весной 1885 г. от отца Бесси, выславшего деньги для спасения дочери и скорейшего возвращения ее семейства обратно в Англию. Пожалуй, можно сказать, что “австралийское испытание” укрепило характер Лэнсбери, но одновременно обострило его ощущение царившей в обществе социальной несправедливости.

По возвращении в Лондон Джордж, начавший работать на лесопилке тестя, при поддержке друзей, главной своей задачей поставил разоблачение пафосной правительственной пропаганды относительно австралийского “рая” для эмигрантов. Его

⁵ *Postgate R. The Life of George Lansbury. London, 1951.*

⁶ *Shepherd J. George Lansbury. At the Heart of Old Labour. Oxford, 2004.*

⁷ *Postgate R. Op. cit., p. 20.*

регулярные выступления под открытым небом в Ист-Энде и письма в газету “Эхо” принесли некоторые плоды. В феврале 1886 г. в Лондоне была организована специальная конференция для обсуждения вопросов иммиграции, в которой принял участие и Лэнсбери. В ходе пропагандистской кампании Джордж познакомился с либералом С. Монтагю, депутатом Палаты общин, который уже скоро привлек его в ряды членов своей партии. В результате на всеобщих парламентских выборах в июле 1886 г. Лэнсбери успешно выступил в качестве его предвыборного агента⁸.

Впрочем, несмотря на восхищение Гладстоном, интерес Лэнсбери уже скоро оказался направлен в несколько ином направлении. В 1884 г. Г. Гайндманом было провозглашено создание Социал-демократической федерации (СДФ), одной из первых социалистических организаций Великобритании, несущей на себе явный отпечаток марксистских воззрений. По мнению Р. Постгейта, Гайндман оказал на Лэнсбери серьезное влияние, по признанию последнего, открыв ему глаза на то, что главным антагонистом рабочих является класс капиталистов⁹. В 80-е годы XIX в. Лэнсбери познакомился с членами СДФ – Э. Маркс, У. Моррисом, Дж. Бернсом, Т. Манном и др. Большое впечатление на Лэнсбери произвела Великая стачка лондонских докеров 1889 г. Он принял активное участие в сборе средств в поддержку бастующих и примерно в это же время завел знакомство с У. Торном, одним из наиболее ярких новых боевых профсоюзных лидеров, создателем профсоюза газовщиков.

Скорый разрыв Лэнсбери с либерализмом был во многом символичным и навсегда отпечатавшимся в его памяти. Неприятный инцидент был связан с требованием законодательного установления 8-часового рабочего дня для рабочих, которое Лэнсбери под влиянием Торна и его коллег начал все активнее поддерживать. Однако в либеральной партии было много противников проведения через парламент подобной меры. В итоге на конференции Национальной либеральной федерации в Манчестере в декабре 1889 г., где Лэнсбери присутствовал в качестве делегата, он изъявил желание выдвинуть резолюцию с требованием 8-часового рабочего дня. “На меня пытались оказать разного рода давление с тем, чтобы я не предлагал эту резолюцию, – вспоминал позднее Лэнсбери в своей автобиографии. – Когда же я поднялся, наконец, на трибуну, председатель зазвонил в колокольчик и не дал мне слова. Половина публики начала выказывать мне поддержку, другая пыталась заглушить меня криком. Через несколько минут меня мягкой, но твердой рукой подтолкнули вниз по ступенькам. Таким образом закончилась моя связь с либерализмом”¹⁰. В течение еще ряда лет Лэнсбери по инерции продолжал исполнять обязанности либерального партийного агента, а в 1892 г. вступил в ряды СДФ и создал в округе Боу энд Бромли ее местное отделение в Ист-Энде.

Наряду с промарксистским влиянием Гайндмана, серьезное воздействие на формирование социалистических взглядов молодого Лэнсбери оказал известный английский писатель, теоретик искусства У. Моррис, также изначально входивший в СДФ, но вскоре покинувший ее ряды. Лэнсбери был близок пропагандируемый Моррисом социализм как иной стиль жизни с нравственной точки зрения.

Все свое свободное время после расставания с либеральной партией Лэнсбери в этот период посвящал социалистической пропаганде, выступая от имени СДФ в различных уголках Англии. По справедливому замечанию Р. Постгейта, Лэнсбери никогда не был “человеком пера”. Однако значение его и других ораторов-пропагандистов социалистической идеи того времени, без усталости разъезжавших по стране, трудно переоценить. “Эти люди рассеивали сомнения колеблющихся; они с бесконечным терпением обсуждали насущные проблемы... в каждом городе”, своим личным примером убеждали, что социалист может быть человеком гораздо лучшим, нежели стремящийся быстро разбогатеть бизнесмен-либерал¹¹. Пожалуй, Лэнсбери можно охарактеризо-

⁸ *Lansbury G. My Life*, p. 62–64.

⁹ *Postgate R. Op. cit.*, p. 33.

¹⁰ *Lansbury G. My Life*, p. 72–73.

¹¹ *Postgate R. Op. cit.*, p. 46, 97.

вать как настоящего “уличного оратора”, обладавшего невероятно сильным, зычным голосом, неукротимой энергией и даром убеждения. Его сын Эдгар вспоминал позднее, что отца никогда не было дома по выходным. Однако Лэнсбери всегда возил с собой свернутый в рулон красный флаг. И когда его вечерний поезд, отправлявшийся из Лондона, проезжал всего в 50 ярдах от их дома, он высовывал знамя из окна – это был знак детям, что отец о них помнит¹².

Лэнсбери впервые был выдвинут кандидатом в парламент от СДФ на дополнительных и на всеобщих выборах в 1895 г. от лондонского округа Уолворт. Обе попытки закончились неудачей. Тем не менее это не охладило его энтузиазм. Уже вскоре Лэнсбери был официально назначен на оплачиваемую должность национального организатора СДФ. В своих воспоминаниях 1912 г. Г. Гайндман назвал его лучшим из организаторов за всю историю федерации¹³. Впрочем, в 1896 г. Лэнсбери пришлось оставить этот пост в связи со смертью тестя и необходимостью взять в свои руки управление доставшейся в наследство лесопилкой.

В феврале 1900 г. при активном участии К. Гарди и других активистов в Англии был образован Комитет рабочего представительства (КРП), через шесть лет переименованный в лейбористскую партию. Целью являлось создание независимой рабочей фракции в парламенте. Несмотря на революционные настроения Гайндмана и ряда его соратников, СДФ изначально вошла в состав Комитета. На всеобщих выборах в октябре 1900 г. Лэнсбери снова неудачно баллотировался в Палату общин на этот раз от округа Боу энд Бромли. Через год СДФ приняла решение выйти из КРП в связи с идейными расхождениями. Однако Лэнсбери предпочел остаться с лейбористами. В 1903 г. он официально покинул гайндмановцев и вступил в Независимую рабочую партию (НРП), созданную еще в 1893 г. и входившую в состав КРП с момента его основания. Лэнсбери сразу же стал одним из ее самых заметных активистов в Ист-Энде.

Большинство членов НРП в те годы являлось не столько убежденными марксистами, сколько приверженцами этического, христианского социализма. В этой связи конечное расставание Джорджа Лэнсбери с СДФ в принципе можно считать закономерным. Несмотря на временное разочарование в христианской религии, а точнее в церковнослужителях, пришедшееся на 90-е годы XIX в., подавляющую часть своей жизни Лэнсбери являлся человеком глубоко верующим. По мнению его зятя Р. Постгейта, христианство во многом и было для Лэнсбери социализмом¹⁴.

В 1893 г. Джордж Лэнсбери впервые был избран в попечительский совет Поплара, одного из беднейших районов в Ист-Энде. Попечители осуществляли контроль над работными домами, являвшимися приютами для самых обездоленных жителей Соединенного королевства. Лэнсбери с самого начала был настроен на то, чтобы превратить место для изгоев в заведение, оказывающее людям реальную помощь. Он выступил за отмену обязательного ношения пауперами специальной одежды, за расширение возможности получения ими медицинского обслуживания, улучшение условий их труда. Более того, Лэнсбери полагал, что попечители должны были стараться по возможности обеспечить работой и тех безработных района, которые не являлись обитателями работных домов. Активным приверженцем этой политики был еще один его коллега У. Крукс.

В результате их деятельности уже скоро ситуация в Попларе начала меняться. С 1903 г. Лэнсбери стал председателем попечительского совета. При поддержке американского бизнесмена Дж. Фелса в местечке Лейндон, в Эссексе, была выкуплена ферма, куда переехало около 200 безработных Поплара с тем, чтобы начать на земле новую жизнь. Основным их занятием стало выращивание фруктов и овощей для продажи на рынке. Вторым, более крупным проектом, явилось создание сельскохозяйственной колонии в Холлслей Бэй, в Суффолке, куда также перебрались безработные из Поплара, но уже вместе с семьями. Колония в Эссексе, полностью контролируемая

¹² *Lansbury E. George Lansbury. My Father. London, 1934, p. 34.*

¹³ *Hyndman H. Further Reminiscences. London., 1912, p. 283.*

¹⁴ *Postgate R. Op. cit., p. 60.*

попечителями Поплара, просуществовала довольно долго. Заведение же в Суффолке, формально находившееся под опекой специального правительственного комитета по безработице, через несколько лет, несмотря на протесты Лэнсбери, было закрыто¹⁵.

В ходе всеобщих выборов 1906 г. Лэнсбери вновь безуспешно баллотировался в парламент от лейбористов. Наряду с этим, в 1905–1909 гг. он принял участие в работе известной королевской комиссии под председательством консерватора лорда Гамильтона, целью которой было усовершенствование законов о бедных. В ходе ее заседаний Лэнсбери достаточно близко познакомился с активисткой Фабианского общества Б. Вебб и подписал нашумевший “Доклад меньшинства”. Он призывал к полной отмене работных домов и созданию вместо этого специального государственного департамента для защиты интересов безработных бедняков и особых органов для заботы об их детях, а также о больных. Сам Лэнсбери рассматривал участие в комиссии как очень ценный для себя опыт и писал, что к концу ее работы “стал еще более убежденным социалистом, нежели был до этого”¹⁶. В начале XX в. находившаяся у власти либеральная партия, осознававшая необходимость социальных реформ, тем не менее не была готова кардинально менять существовавшую систему.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ И ТЮРЕМНЫЙ ОПЫТ

В декабре 1910 г., с шестой попытки, Джордж Лэнсбери в 51 год впервые был, наконец, избран депутатом Палаты общин от лейбористов, победив в Боу энд Бромли консерватора Л. Эмери¹⁷. Следует отметить, что позиции лейбористской партии в парламенте и в стране в тот период оставались весьма слабыми. Имея всего 42 депутатских мандата из 670, партии очень непросто было отстаивать провозглашенную еще в 1900 г. идею независимого рабочего представительства. Либералы, одержав в декабре 1910 г. очередную победу, не располагали на этот раз подавляющим парламентским большинством. Стабильность их правительства напрямую зависела от голосов ирландских националистов и лейбористов. Однако две подряд избирательные кампании в течение одного года серьезно истощили финансовые средства лейбористской партии. В результате она была чрезвычайно заинтересована в стабильности существующего кабинета. Это вынуждало ее не столько демонстрировать независимость, сколько послушно голосовать за либеральные законопроекты. К тому же значительная часть лейбористской фракции, за исключением Р. Макдональда, Ф. Сноудена и еще нескольких человек, представляла собой людей, не обладавших должным мастерством полемиста.

Старейшина лейбористской партии К. Гарди с энтузиазмом отнесся к появлению Лэнсбери в парламенте. “Он обещает быть самым ценным членом [фракции]. У него приятные манеры, внешность и он обладает беспощадной убежденностью”, – писал Гарди в письме коллеге по партии Б. Глазье в начале 1911 г.¹⁸ 10 февраля 1911 г. Лэнсбери произнес свою первую речь в парламенте, посвященную вопросам безработицы. В отличие от будущего первого лейбористского премьер-министра Р. Макдональда, занявшего пост лидера партии в 1911 г., буквально одержимого парламентскими традициями и во всем стремившегося походить на лучших ораторов старой классической школы XIX в., Лэнсбери, придя в Палату общин, остался верен своему стилю. По манере выступления он больше напоминал умелого уличного пропагандиста, кем он собственно и являлся. Его речи были экспрессивны и эмоциональны.

Впрочем, первый парламентский опыт Лэнсбери был недолгим. Как и некоторые другие лейбористы, например К. Гарди, в предвоенные годы он оказался серьезно

¹⁵ *Lansbury G. My Life*, p. 145–148; *The Book of the Labour Party*, p. 316; *Postgate R. Op. cit.*, p. 68–71; *Shepherd J. Op. cit.*, p. 62.

¹⁶ *Lansbury G. My Life*, p. 112, 152–153.

¹⁷ *Ibid.*, p. 113. Пятая неудачная попытка Лэнсбери попасть в парламент была предпринята на всеобщих выборах в январе – феврале 1910 г.

¹⁸ *Shepherd J. Op. cit.*, p. 95.

вовлечен в суфражистское движение. Джордж познакомился с его известными активистками – Э. Панкхерст и ее дочерьми. Британские суфражистки вели себя в те годы весьма смело и порой агрессивно по отношению к окружающим, за что многие из них попадали в тюрьмы, где в знак протеста часто прибегали к голодовкам и отказывались от воды. Лэнсбери был всей душой на стороне заключенных. Позиция его была крайне радикальной. Он заявлял, что лейбористской парламентской фракции следовало голосовать против всех правительственных законопроектов до тех пор, пока женщины не получат право голоса. Р. Постгейт, вспоминая эти события, полагает, что добросердечный Лэнсбери в те годы попал под слишком сильное влияние семейства Панкхерст и во многом явился пешкой в их игре, хотя сам “герой” событий так не считал¹⁹.

Кульминация конфликта наступила в ноябре 1912 г., когда Лэнсбери принял беспрецедентное решение отказаться от своего парламентского места в Боу энд Бромли с тем, чтобы в его округе состоялись досрочные выборы, в центре которых было поставлено суфражистское требование права голоса для женщин. В своей автобиографии Лэнсбери отмечал, что для него в тот момент это был вопрос, не терпящий компромисса. Лейбористская партия, и входившая в нее НРП, приняли решение не оказывать Лэнсбери официальной поддержки в этой скандальной кампании, тем не менее на его стороне, как частные лица, выступили такие известные лейбористские фигуры, как К. Гарди и Ф. Сноуден. С отдельным посланием к избирателям обратилась всегда находившаяся в тени Бэсси Лэнсбери, а также активное участие в предвыборной пропаганде приняла Э. Панкхерст²⁰.

Однако, несмотря на шумную кампанию и обострившееся благодаря этому внимание общества к требованиям суфражисток, позиция Лэнсбери в действительности была очень уязвима. Избиратели были рассержены, писал Р. Постгейт. Два года назад они выбрали Лэнсбери депутатом британского парламента. Он же демонстративно отказался от обязанностей, о которых огромное количество людей могло лишь мечтать. Гнев Лэнсбери вызвало обращение с женщинами, но он мог остаться в Вестминстере и отстаивать там свою позицию. Если он не хотел выполнять депутатские обязанности, значит, он их не заслуживал, считали жители округа. Сам Лэнсбери признавал, что многие посчитали его поведение “детским капризом”²¹.

Результатом явилось поражение Лэнсбери. Последующие 10 лет он провел вне стен парламента. Много позже, в 1928 г., когда популярность Лэнсбери в Ист-Энде была столь велика, что, по словам Р. Постгейта, он мог быть заранее уверен в победе на выборах, даже не выходя за порог своего дома, герой этого очерка вспоминал: “В округе по-прежнему есть люди, не желающие голосовать на выборах. Потому что против меня они выступать не хотят, но, помня мой поступок 1912 г., не голосуют и в мою поддержку”²².

Весной 1913 г., продолжая борьбу на стороне суфражисток, Джордж попал в тюрьму. В его выступлении на митинге в Альберт Холле 10 апреля правоохранительные органы усмотрели подстрекательство к беспорядкам. В результате Лэнсбери оказался в тюрьме Пентонвилль, где сразу же объявил голодовку и отказался от воды. Здоровье 54-летнего Лэнсбери стало резко ухудшаться. Он был бывшим членом парламента и человеком широко известным в Ист-Энде. В Вестминстере был поставлен вопрос о его досрочном освобождении, и вскоре “преступник” был отпущен²³.

¹⁹ *Postgate R. Op. cit.*, p. 126–127, 132.

²⁰ *Lansbury G. My Life*, p. 120–121; *Shepherd J. Op. cit.*, p. 123–124. В своей “Автобиографии” Ф. Сноуден писал, что считал неверным поступок Лэнсбери и из сугубо дружеских побуждений поддержал его перед избирателями. – *Snowden P. An Autobiography*, v. I. 1864–1919. London, 1934, p. 259.

²¹ *Postgate R. Op. cit.*, p. 128; *Lansbury G. My Life*, p. 121.

²² *Lansbury G. My Life*, p. 121.

²³ Лэнсбери выпустили из тюрьмы в соответствии с принятым законом, по которому голодающих заключенных можно было временно отпускать в случае возникновения серьезной опасности для их жизни. В 1928 г. он с юмором писал, что до сих пор не уверен, снято ли с него давнее обвинение. – *Lansbury G. My Life*, p. 122.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР “ДЕЙЛИ ГЕРАЛЬД” И ГЕРОЙ ПОПЛАРА

В последующие годы Джордж Лэнсбери с головой окунулся в журналистику. Всю жизнь он очень много читал. Лэнсбери интересовало все, вспоминает его зять, бесчисленная пресса, романы, пьесы. Журналистский опыт пришел к нему постепенно. В конце XIX – начале XX в. он писал статьи для таких известных изданий, как гайдмановское “Джастис”, социалистические “Лейбор лидер”, “Клерион”, “Форвард” и многих других. Однако главной газетой его жизни, с которой имя Лэнсбери стало со временем прочно ассоциироваться в сознании современников, конечно, явилась “Дейли геральд”. Регулярный выход рабочего издания при поддержке частных спонсоров и профсоюзов начался с апреля 1912 г. и совпал с крушением корабля “Титаник”. Хлесткие газетные комментарии на тему спасенных богачей и утонувших бедняков, размещенных в трюме, сразу же задали тон дальнейшим острым общественным публикациям²⁴.

В октябре 1913 г. Лэнсбери стал главным редактором “Дейли геральд”. Р. Постгейт, работавший вместе с ним в те годы, считает Лэнсбери одним из трех выдающихся газетных редакторов начала XX в., наряду с либералом Ч.П. Скоттом, возглавлявшим “Манчестер гардиан”, и консерватором Дж.Л. Гарвином из “Обзервер”. Никто из них сам по себе не был одаренным писателем, но все они обладали качествами великих журналистов, пишет Постгейт. Это эрудиция и бесконечное желание узнавать новое, способность очень быстро соображать, безграничная вера в правильность и необходимость того, что они делают, умение собирать вокруг себя таланты и, наконец, обаяние личности. “Когда они входили в дверь, – вспоминает Постгейт, – они тут же заполняли собой всю комнату”²⁵.

Издание было готово сотрудничать с самыми разнообразными авторами – христианскими социалистами, суфражистками, гильдейскими социалистами, синдикалистами. Настоящей находкой для газеты стал карикатурист австралийского происхождения У. Дайсон, которого и поныне признают одним из великих мастеров своего дела. Тревожные предвоенные годы были отмечены резким ростом количества стачек и забастовок. “Дейли геральд” была неизменно на стороне протестующих.

Несмотря на то, что лейбористская партия и большинство профсоюзных деятелей с началом Первой мировой войны в 1914 г. поддержали правительство, а новый лейбористский лидер А. Гендерсон²⁶ с 1915 г. даже вошел в его состав, настроения среди тех, кто остался в эти годы в редакции газеты, были совсем иные. “Дейли геральд”, без преувеличения, стала одним из главных антивоенных изданий Великобритании. Вскоре после начала Первой мировой войны из-за финансовых трудностей газета стала выходить не ежедневно, а еженедельно, временно сменив название на “Геральд”. Тем не менее под руководством Лэнсбери она выдержала военное время, чтобы впоследствии вновь возобновить ежедневный тираж. В начале 1915 г. Лэнсбери посетил Францию с целью из первых рук донести до читателей информацию об обстановке на западном фронте. В 1916 г. его газета активно выступила против введения правительством Г. Асквита всеобщей воинской повинности, однако это не принесло результатов²⁷.

Джордж Лэнсбери, как и большинство британских социалистов, с большим энтузиазмом приветствовал Февральскую революцию в России. Впрочем, в отличие от многих более умеренных лейбористов, его реакция на октябрьские события 1917 г. также была восторженная. Наряду с этим, Лэнсбери с огромной надеждой встретил

²⁴ *Lansbury G. The Miracle of Fleet Street. The Story of Daily Herald. London, 1925, p. 89–90.*

²⁵ *Postgate R. Op. cit., p. 134–135.*

²⁶ Р. Макдональд в связи с пацифистскими убеждениями ушел в отставку с поста лидера лейбористской партии после начала боевых действий в 1914 г.

²⁷ По итогам поездки во Францию Лэнсбери опубликовал небольшую брошюру: *Lansbury G. In France. London, 1915.* Статьи Лэнсбери в отношении введения воинской повинности см.: *Herald, 22, 29.I.1916.*

“американскую программу мира” – 14 пунктов президента В. Вильсона, полагая, что она сможет стать прочной основой стабильности.

На исходе войны внутри лейбористской партии произошли существенные изменения. В начале 1918 г. был принят Устав, вводивший, наряду с коллективным, индивидуальное членство в партии и предусматривавший создание в избирательных округах по всей стране местных лейбористских организаций. Документ содержал в себе известный IV пункт – социалистическое требование обобществления средств производства. Летом 1918 г. была одобрена первая в истории программа лейбористской партии, включавшая в себя такие лозунги, как национализация ряда отраслей экономики, социальная поддержка малоимущих, кардинальные изменения в финансовой системе.

Несмотря на реформу избирательного права, антивоенная пропагандистская деятельность Лэнсбери обрела его на поражение на первых после завершения боевых действий парламентских выборах в декабре 1918 г., принеших победу консервативно-либеральной коалиции во главе с Д. Ллойд Джорджем. В марте 1919 г., при поддержке профсоюзов, кооперативных обществ и за счет частных пожертвований, удалось собрать финансовые средства и ежедневный выпуск “Дейли геральд” был возобновлен²⁸. На фоне благожелательных комментариев на страницах газеты в адрес пришедших к власти в России большевиков во главе с В.И. Лениным, вопрос об источниках ее финансирования после войны порождал массу домыслов. В феврале 1920 г. Лэнсбери, пробираясь через Финляндию, совершил первую поездку в Советскую Россию. Пожалуй, он увидел там то, что хотел видеть в новом социалистическом государстве, а точнее то, что наивному иностранцу готовы были показать. В том же году в Англии вышла его книга под характерным заголовком “Что я увидел в России”.

Лэнсбери беседовал с Ф.Э. Дзержинским, Л.Б. Красиным, Л.Б. Каменевым, А.М. Колантай, Г.В. Чичериным и даже с В.И. Лениным. Последний произвел на него благоприятное впечатление. “Для одних он самый ненавистный, для других – самый обожаемый человек”, – писал Лэнсбери о Ленине. Он “символизирует собой новый дух. Он, в самом деле, стал отцом для своих людей”. Лэнсбери, впрочем, будучи человеком глубоко верующим, предпринял попытку встретиться и с патриархом Тихоном. Однако она осталась безуспешной²⁹.

В 1919–1920 гг. газета Лэнсбери приняла активное участие в кампании “Руки прочь от России”, призванной остановить и резко осуждавшей вмешательство иностранных государств в ход Гражданской войны на территории советского государства. Центральными событиями 1920 г. были польско-советская война и борьба с генералом Врангелем, наступавшим из Крыма. В мае 1920 г. лондонские докеры отказались от погрузки военного снаряжения на пароход “Джолли Джордж”, который направлялся в Польшу. 8 Августа 1920 г. “Дейли геральд” опубликовала на своих страницах известный лозунг: “Ни одного человека, ни одного орудия, ни одного гроша на войну”. Не “ужасы” большевизма и не террор революции пугают правительство, писал Лэнсбери. Его пугает страх, что социализм, восторжествовав в одной стране, может перекинуться в другие³⁰.

Однако последовал ответный удар. 19 августа 1920 г. британские газеты обнародовали якобы перехваченные правительством телеграммы (переписку народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина с М.М. Литвиновым за февраль – июль 1920 г.) относительно возможности субсидирования “Дейли геральд” советским государством. Лэнсбери отреагировал незамедлительно, на следующий день, 20 августа, разместив на страницах своей газеты полный список источников ее финансирования под заголовком “Ни одной облигации, ни одного франка, ни одного рубля”³¹. Однако,

²⁸ Lansbury G. The Miracle of Fleet Street, p. 37.

²⁹ Lansbury G. What I Saw In Russia. London, 1920, p. XVIII, 25, 28; *idem*. My Life, p. 239, 251–252.

³⁰ Daily Herald, 8.VIII.1920.

³¹ Times, 19.VIII.1920; Daily Herald, 20.VIII.1920.

как известно, “дыма без огня не бывает”. В действительности один из молодых директоров “Дейли геральд” Ф. Мейнелл умудрился все-таки контрабандой переправить в Англию “русские бриллианты” стоимостью примерно 75 тыс. фунтов в коробке из-под шоколадных конфет. С целью “обналичить драгоценности” он обратился за помощью к одному из сыновей Джорджа Лэнсбери – Эдгару, занимавшемуся лесоторговлей и имевшему необходимые “связи”³².

В итоге информация дошла наконец до самого главы семейства. Учитывая уже разгоревшуюся шумиху, Джордж Лэнсбери принял в этой ситуации, возможно, единственное правильное решение. 10 сентября 1920 г. он выпустил “Дейли геральд” под вопросительным заголовком: “Следует ли нам принять 75 тыс. фунтов из России?” Впоследствии в своей автобиографии он писал, что получать деньги “в тайне” при любых обстоятельствах было неприемлемо³³. Зять Лэнсбери отмечает, что никаких особых условий со стороны большевистского правительства это “пожертвование” не предполагало. С другой стороны, в редакции посчитали, что такой “подарок” из разоренной страны едва ли приемлем. Эдгар был допрошен полицией, а Ф. Мейнелл вынужден был уйти в отставку со своего поста и извиниться перед Лэнсбери за скандал с “большевистским золотом”³⁴.

На этом фоне в первые тяжелые послевоенные годы, в условиях, когда рекламодатели фактически объявили “Дейли геральд” бойкот, стоимость газеты в октябре 1920 г. пришлось увеличить до 2 пенсов за номер. Тем не менее тираж газеты за такую цену в начале 20-х годов составлял 200 тыс. экземпляров. Судя по комментариям зятя Лэнсбери, герой этого очерка узнал об истории с бриллиантами в самый последний момент³⁵.

В ноябре 1919 г. в Англии прошли муниципальные выборы, принесшие значительный успех укреплявшей после войны свои позиции лейбористской партии. В местных органах власти Поплара лейбористы получили большинство, а сам Лэнсбери в 1919–1920 гг. являлся мэром Поплара. Ситуация в районе в эти годы была очень тяжелая – ужасные жилищные условия, антисанитария, высокая детская смертность, а также безработица. В результате это привело к известному конфликту между местными органами власти Поплара и Советом Лондонского графства, вскоре положенному в основу английского термина “попларизм”, означающего чрезмерную щедрость местных властей в плане поддержки бедняков и отказ повиноваться распоряжениям сверху. Весной 1921 г. муниципальный Совет Поплара в знак протеста против чрезмерно высокого, с его точки зрения, налога с жителей района принял решение саботировать требуемые отчисления Совету Лондонского графства, лондонской полиции и службам водоснабжения. Вскоре провинившиеся члены муниципального Совета Поплара были вызваны в суд, где против них выдвинули обвинение в неповиновении предписаниям Совета графства³⁶. В сентябре 1921 г. последовали аресты.

Всего было арестовано 25 мужчин и 5 женщин (среди них сам Лэнсбери, его сын и невестка), представители местного органа власти Поплара. Эти события привлекли к себе огромное внимание общества, хотя даже в самой лейбористской партии далеко не все были сторонниками подобных протестных акций³⁷. Тем не менее за стенами тюрем, где содержались задержанные, регулярно собирались толпы в поддержку за-

³² *Postgate R. Op. cit.*, p. 213.

³³ *Daily Herald*, 10.IX.1920; *Lansbury G. My Life*, p. 194.

³⁴ *Postgate R. Op. cit.*, p. 212–214.

³⁵ *Ibidem*. См. также заявление от 15 сентября 1920 г. пяти оставшихся директоров “Дейли геральд” (Э. Бевина, Ф. Ходжеса, Дж. Лэнсбери, Б. Тернера, Р. Уильямса) о полном неведении об истории с бриллиантами. – *Lansbury G. The Miracle of Fleet Street*, p. 147.

³⁶ *Branson N. Poplarism, 1919–1925. George Lansbury and the Councillors’ Revolt*. London, 1979, p. 30–31, 49.

³⁷ См. скептический комментарий Р. Макдональда на эту тему: *Macdonald R. Socialism: Critical and Constructive*. London, 1924, p. VII.

ключенных, распеваящие лейбористский гимн “Красный флаг” и старающиеся разглядеть в окнах за решеткой знакомые лица “героев Поплара”. Более того, необычным узникам удалось добиться от тюремных властей ежедневной доставки в камеры свежей прессы и приема многочисленных посетителей. После настойчивых требований Министерство внутренних дел было даже вынуждено разрешить им, как и положено, проводить регулярные собрания Совета Поплара, сопровождавшиеся ведением протокола и соблюдением всех прочих формальностей. В итоге Лэнсбери и его коллеги в полном составе заседали в тюрьме Брикстон более 30 раз!³⁸

Спустя некоторое время правительству стало известно о намерениях еще двух лондонских районов (Бетнал Грин и Степни) последовать примеру Поплара в случае, если заключенных не освободят. В результате 12 октября 1921 г. Лэнсбери и его коллеги вышли на свободу, так и не выплатив требуемую Советом Лондонского графства от Поплара сумму. В дальнейшем власти вынуждены были пойти на определенные финансовые уступки в отношении Поплара³⁹.

В ноябре 1922 г. в Великобритании состоялись очередные парламентские выборы, принесшие победу консерваторам, но одновременно со всей очевидностью обозначившие падение популярности расколотой с 1916 г. либеральной партии и усиление лейбористской, впервые получившей статус официальной оппозиции. Лэнсбери после 10-летнего перерыва вернулся в парламент, победив в своем округе Боу энд Бромли. Отныне и навсегда округ будет его надежным форпостом, чтобы ни происходило. Новым лейбористским лидером был избран вернувшийся в 1922 г. в Палату общин Р. Макдональд. Лэнсбери же, став членом исполкома, разместился на передней скамье оппозиции вместе с Р. Макдональдом, А. Гендерсоном, Ф. Сноуденом и другими “первыми лицами” партии.

В 1922 г. “Дейли геральд”, ранее формально считавшаяся независимым изданием, в связи с финансовыми сложностями перешла под управление Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) и лейбористской партии. Ее новым главным редактором был назначен Г. Файф. Лэнсбери остался главным управляющим. По воспоминаниям Р. Постгейта, трансформация из “независимой” газеты в “официальную” явилась для сотрудников редакции, в том числе Лэнсбери, процессом довольно болезненным. Газета в определенной мере “утратила свою яркость и беззаботную правдивость”, писал Р. Постгейт. Многие публикации “в новом стиле” Лэнсбери откровенно считал глупыми и пустыми⁴⁰. В августе 1923 г. над газетой даже нависла угроза окончательного закрытия. Однако лейбористская партия и профсоюзы не решились на такой шаг.

ПО-ПРЕЖНЕМУ НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ

В декабре 1923 г. в Англии прошли досрочные парламентские выборы, на которых правящей консервативной партией был поставлен вопрос о переходе к протекционизму. Однако большинство избирателей не одобрило эту политику. В итоге перед лейбористской партией, сторонницей свободы торговли, получившей рекордное для нее 191 парламентское место, впервые в истории открылась возможность сформировать собственное правительство при поддержке либералов, также являвшихся противниками перехода к протекционизму.

Перспектива создания первого в истории Англии лейбористского кабинета вызвала немалые опасения со стороны части общества. Недавний “герой Поплара”, открыто симпатизировавший реформам в Советской России, явно не годился на роль члена правительства, призванного продемонстрировать стране, что оно не имеет ничего об-

³⁸ Лэнсбери вспоминал, что периодически даже умудрялся произносить речи из тюремного окна, что в принципе было строжайше запрещено. – *Lansbury G. My Life*, p. 160.

³⁹ *Daily Herald*, 13.X.1921; *Cole G.D.H. A History of the Labour Party from 1914*. New York., 1969, p. 119; *Shepherd J. Op. cit.*, p. 201.

⁴⁰ *Postgate R. Op. cit.*, p. 221–222.

щего с большевистской политикой. Формально Макдональд в итоге предложил Лэнсбери малозначительный пост министра транспорта за рамками кабинета, от которого тот отказался.

Послужной список первого правительства Макдональда не был впечатляющим. Пожалуй, во внешнеполитической сфере достижения явились наиболее заметными. Лейбористы установили дипломатические отношения с СССР, сумели отстоять принцип “не слишком слабой Германии” в ходе Лондонской конференции летом 1924 г., одоблившей план Дауэса. Что касается внутренней политики, то социальные реформы были незначительными и носили скорее “косметический характер”. Ни одна отрасль промышленности не была национализирована.

Стремление новоиспеченных министров “из народа” строжайшим образом соблюдать дворцовый этикет вызвало у Лэнсбери откровенную иронию. Действительно ли главной миссией лейбористской партии является “доказательство того, насколько легко мы умеем приспосабливаться, насколько подходящим образом мы можем одеваться и вести себя на официальных приемах, в присутствии королевской семьи или среди представителей высшего общества”, – с грустью задавался он вопросом на страницах автобиографии спустя несколько лет⁴¹. Вся эта внешняя придворная “суэта” была ему чужда, а общение с аристократией, в отличие от других более падких на это коллег, того же Р. Макдональда, Дж. Томаса, Дж. Клайнса, никогда не вызывало умиления.

Лейбористская партия, в условиях отсутствия парламентского большинства, продержалась у власти 9 месяцев и потерпела поражение на следующих выборах в октябре 1924 г. Избирательную кампанию нельзя было назвать провальной. В 1924 г. за лейбористов проголосовало почти 5,5 млн. избирателей в сравнении с 4,4 млн. в 1923 г.⁴² Однако в целом первый опыт пребывания у власти вызвал разочарование у левого крыла партии, в том числе Лэнсбери. На первых же после поражения выборах лидера партии один из ярких левых лейбористов парламентариев Дж. Мэкстон в противовес Макдональду выдвинул кандидатуру Лэнсбери⁴³. Однако последний взял самоотвод. Его биограф Дж. Шеперд объясняет это тем, что герой этого очерка, несмотря на то, что был любим в партии, никогда не имел серьезных амбиций стать ее лидером⁴⁴.

В последующие годы пребывания лейбористов в оппозиции Лэнсбери, тем не менее, не разделял весьма умеренного официального лейбористского курса, которого придерживался Макдональд и другие представители правого крыла, доминировавшего в партии. Окончательно покинув “Дейли геральд” в начале 1925 г., Лэнсбери основал при поддержке друзей собственное издание левой направленности – “Лэнсберис лейбор уикли”. Его первый номер вышел 28 февраля 1925 г. В этом выпуске было опубликовано своего рода программное заявление Джорджа Лэнсбери, где говорилось о том, что редакция готова всеми силами бороться за победу социализма в Англии и пацифистские принципы в сфере международной политики⁴⁵.

В начале 1926 г. Лэнсбери, находившийся в последнее время в статусе парламентария “заднескамеечника”, был вынужден вновь вернуться на переднюю скамью оппозиции, после того как в партии было принято решение, что на почетном месте должны сидеть не бывшие министры правительства Макдональда, а по-прежнему члены

⁴¹ *Lansbury G. My Life*, p. 268.

⁴² *Joyce P. Politico's Guide to UK General Elections 1832–2001*. London, 2004, p. 190, 201.

⁴³ Вопрос о необходимости смены лидера лейбористской партии обострился в связи с невразумительным поведением Макдональда после публикации в прессе за несколько дней до выборов 1924 г. “письма Коминтерна”. Подробнее см.: *Суслопарова Е.А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866–1937). К политическому портрету лейбористского лидера*. – Новая и новейшая история, 2003, № 4.

⁴⁴ *Shepherd J. Op. cit.*, p. 222.

⁴⁵ *Lansbury's Labour Weekly*, 28.II.1925.

лейбористского исполкома. Наблюдательный премьер-министр консерватор С. Болдуин на следующий день любезно заметил, обращаясь к Лэнсбери: “Вы выглядите как старый сторожевой пес, которого пустили в гостиную”⁴⁶. Во многом так оно и было.

Весной 1926 г. в Англии случился один из крупнейших за всю историю промышленных конфликтов – всеобщая стачка, в центре которой оказались рабочие угольной отрасли, протестующие против несправедливых, с их точки зрения, условий труда. Конфликт закончился поражением бастующих. Издание Лэнсбери не скрывало своих симпатий в пользу скорейшей национализации угольной промышленности. Что касается самой стачки, Джордж Лэнсбери писал о ней впоследствии: “Разумеется, вся сила государства была мобилизована на стороне работодателей. Если спросить меня, почему мы проиграли в обстановке такого единения масс, я думаю, ответ в следующем... такая стачка должна переходить в революцию”. Лэнсбери, несмотря на восхищение Лениным, никогда не предполагал возможность революционного пути к социализму в Англии. В нашей стране кардинальные изменения могут быть достигнуты только через парламент, писал он, вспоминая события всеобщей стачки⁴⁷.

Летом 1926 г. Лэнсбери, на этот раз вместе с женой, совершил вторую поездку в Советскую Россию, где в то время проживала одна из их дочерей. Конечным пунктом его визита были Ессентуки. Лэнсбери должен был пройти там курс лечения.

Несмотря на возраст, он по-прежнему не желал полностью превращаться в “добропорядочного” британского социалиста. Лэнсбери занимался обструкцией в парламенте, симпатизировал коммунистам. В ноябре – декабре 1926 г. на страницах его нового издания была опубликована программа, которую редакция во главе с Лэнсбери желала видеть основой деятельности следующего лейбористского правительства. В социально-экономической сфере она в определенной мере напоминала резко раскритикованный лейбористским руководством левый документ “Социализм в наше время”, принятый еще в апреле 1926 г. на конференции возглавляемой Дж. Мэкстоном НРП. Речь шла о незамедлительных социальных реформах и необходимости усиления государственного контроля над промышленной и финансовой сферой⁴⁸.

В целом конец 20-х годов едва ли был для Лэнсбери счастливым периодом. Надежды на то, что лейбористам в короткий срок удастся изменить британское общество, оказались несбыточными. Были и иные причины для пессимизма. Издание “Лэнсберис лейбор уикли”, по признанию Р. Постгейта, исполнявшего обязанности заместителя главного редактора, так и не смогло повторить успех “Дейли геральд” и в июле 1927 г. было закрыто. Семья Лэнсбери в 1928 г. пережила банкротство. Бизнес в деревообрабатывающей промышленности, которым владели сыновья Лэнсбери Уильям и Эдгар, потерпел крах. Это явилось тяжелым ударом для почти 70-летнего отца семейства.

МИНИСТР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

После победы лейбористской партии на очередных парламентских выборах 1929 г. Джордж не ждал правительственного назначения. “Я уверен, что... набобы не захотят меня видеть..., – делился он своими размышлениями с зятем. – Если бы они, в самом деле, были здравомыслящими людьми, они отправили бы меня в Россию” послом⁴⁹. Однако судьба распорядилась иначе. Макдональд предложил Лэнсбери возглавить ведомство общественных работ. В отличие от 1924 г., это была должность в рамках кабинета министров. Тем не менее даже это решение далось “набобам” нелегко. «К нему приросло клеймо “попларизма”», – писал о Лэнсбери в своей Автобиографии один из представителей правого крыла партии Ф. Сноуден. Мы все были едины во мнении, что

⁴⁶ *Postgate R. Op. cit.*, p. 237.

⁴⁷ *Lansbury G. Looking Backwards and Forwards*, p. 61–62.

⁴⁸ *Lansbury's Labour Weekly*, 20, 27.XI; 4.XII.1926. Об этой программе см.: *Блосфельд Е.Г. Английский левый лейборизм, 1918–1945*. Саратов, 1990, с. 50–51.

⁴⁹ *Postgate R. Op. cit.*, p. 245.

ему нельзя было доверять важное министерство⁵⁰. В обязанности министра входила забота о памятниках архитектуры, королевских парках и т.п. Фактически Лэнсбери оказался единственным представителем левого крыла партии в новом кабинете. Наряду с этим, ему было дано еще одно ответственное поручение. Вместе с О. Мосли и Т. Джонстоном, Лэнсбери был включен в специальный комитет по безработице, который возглавил крупный профсоюзный деятель Дж. Томас в должности лорда хранителя печати.

Зять Лэнсбери вспоминает, что умудренный жизненным опытом Джордж в принципе к тому моменту не имел никаких намерений раскачивать партийную лодку и самоотверженно был готов стать лояльным членом команды Макдональда. Более того, вопреки желанию, ему пришлось в 1929 г. все-таки продемонстрировать, что и он “умеет подходящим образом одеваться”. Для первого визита в Букингемский дворец в качестве министра Лэнсбери пришлось облачиться в скюртук и цилиндр. Последнее обстоятельство его особенно удручало. Лэнсбери полагал, что злосчастный цилиндр больше подходил для того, чтобы дети бросали туда снежки⁵¹.

Наряду с этим, новый министр поначалу по привычке позволял себе слишком вольные комментарии. “Мой дорогой Джордж... не забывайте, что каждое сказанное вами слово... отныне воспринимается как заявление члена кабинета министров”, – написал ему встревоженный Макдональд вскоре после формирования правительства. “Больше этого не повторится”, в противном случае “готов отправиться на съедение волкам”, покорно ответил Лэнсбери⁵².

Он оказался хорошим министром. К удивлению сотрудников ведомства Лэнсбери был на редкость работоспособен, моментально прочитывал огромные папки документов, его решения были быстрыми и понятными. К тому же он обладал редким тактом, что позволяло ему бесконфликтно общаться с самыми разными людьми. Новый министр активнейшим образом занялся обустройством детских и спортивных площадок, а также открытием специальных мест, где городские жители могли бы загорать и принимать воздушные ванны. Одним из его самых громких проектов стало строительство так называемого “Лидо Лэнсбери” на озере Серпентайн в лондонском Гайд-парке, предназначенного для купания как мужчин, так и женщин. Несмотря на протесты Лондонского совета общественной морали, оно было летом 1930 г. открыто для общего пользования. Профиль Лэнсбери, подарившего горожанам в межвоенные годы это развлечение, до сих пор красуется на здании павильона. Однако “малые дела” министра в конечном счете не имели особого значения в истории второго лейбористского кабинета.

На рубеже 20–30-х годов Англия все больше ощущала себя в тисках мирового экономического кризиса. Дж. Томас, возглавивший комитет по безработице, не был наделен должным интеллектом для решения этой сложнейшей для Англии проблемы. Члены его команды, в том числе Лэнсбери, были тому свидетелями. В итоге открытый вызов беспомощности Томаса бросил самый молодой его подчиненный О. Мосли, канцлер герцогства Ланкастерского. В начале 1930 г. на рассмотрение кабинета Макдональда был представлен его “Меморандум”. Документ включал в себя введение протекционистских тарифов, существенное увеличение государственных расходов на социальные выплаты и пособия, чтобы поощрить более ранний выход рабочих на пенсию, жесткий контроль над банковской политикой и ряд др. мер.

Протекционизм и резкое увеличение бюджетных расходов члены кабинета Макдональда сочли неприемлемым, и предложения “Меморандума” были отвергнуты. В результате в мае 1930 г. Мосли подал в отставку. Лэнсбери же остался на своем посту, хотя, по утверждению Р. Постгейта, был одним из инициаторов подготовки меморандума. На ежегодной конференции лейбористской партии, проходившей в октябре 1930 г.,

⁵⁰ Snowden P. An Autobiography, v. II. 1919–1934. London, 1934, p. 760.

⁵¹ Postgate R. Op. cit., p. 246.

⁵² Ibid., p. 247; Shepherd J. Op. cit., p. 266.

Мосли вновь напомнил о себе. На голосование был поставлен вопрос о необходимости дальнейшего рассмотрения отвергнутого правительством “Меморандума” парламентской лейбористской партией и исполкомом. И здесь Лэнсбери вышел на трибуну и открыто выступил против этого предложения, сославшись на то, что “Меморандум” относится к внутриправительственным бумагам и не может быть объектом всеобщего обсуждения. Если господин Мосли хочет дискуссии, ему необходимо изложить свои взгляды в общедоступной форме, подготовив новый документ, заявил Лэнсбери⁵³.

Сложно сказать, что подтолкнуло его к этому выступлению. Тем не менее именно после него резолюция в поддержку Мосли, чья речь перед делегатами ранее была встречена с энтузиазмом, с небольшим перевесом голосов была провалена. Возможно, бывший “герой Поплара” в силу возраста, в самом деле, уже не желал быть ни кем иным, нежели “лояльным членом команды Макдональда”. Однако Дж. Шеперд, комментируя события 1930 г., не исключает, что Лэнсбери к тому времени уже стал относиться с подозрением к будущему фашистскому вождю⁵⁴. В декабре 1930 г. Мосли обнародовал “Манифест” – новый документ в русле изложенных выше идей. Он был подписан Генеральным секретарем Федерации горняков А. Куком и 17 лейбористами парламентариями. Имени Лэнсбери под ним не стояло.

В условиях экономического кризиса и роста бюджетного дефицита, во время голосования по вопросу о сокращении на 10% пособий по безработице, 23 августа 1931 г. второй кабинет Макдональда раскололся. 9 его членов из 20 высказались против предлагавшегося сокращения пособий, среди них А. Гендерсон, Дж. Клайнс, Дж. Лэнсбери. После трагического раскола правительства, как следствие, предполагавшего его незамедлительный уход в отставку, Макдональд, тем не менее, поддался на следующий день уговорам короля и согласился возглавить новый, по сути, коалиционный кабинет. В него вошли всего три лейбориста, в том числе министр финансов Ф. Сноуден. Остальные посты были предоставлены консерваторам и либералам. Позднее, в 1932 г., Лэнсбери в письме коллеге по партии следующим образом характеризовал Макдональда: он представляет собой “ужасную смесь тщеславия, малодушия и полного отсутствия принципов”⁵⁵. Новым лидером ушедшей в оппозицию лейбористской партии был избран А. Гендерсон, а спустя месяц, 28 сентября 1931 г., национальный исполком принял решение об исключении из лейбористской партии “предателей” – Р. Макдональда, Ф. Сноудена, Дж. Томаса и еще 10 человек, поддерживавших новое “национальное правительство” в парламенте⁵⁶.

После проведения правительством чрезвычайных мер экономии в октябре 1931 г. состоялись всеобщие выборы, на которых коалиции консерваторов и части либералов во главе с перешедшим на их сторону Макдональдом противостояла лейбористская партия, возглавляемая новым лидером А. Гендерсоном. На фоне произошедших событий скандальная кампания закончилась катастрофическим поражением лейбористов и победой Макдональда и его новых соратников. Лейбористская партия, выдвинув около 500 кандидатов, провела в Палату общин всего 46 депутатов⁵⁷. Оказались забаллотированными практически все бывшие лейбористские министры, в том числе и А. Гендерсон. В итоге Лэнсбери явился, по сути, единственным лейбористом “первого ранга”, вновь вернувшимся в Вестминстер. Партия была поистине обезглавлена. Осенью 1931 г. Лэнсбери был избран лидером парламентской лейбористской партии, как справедливо пишет его биограф, просто потому, что другой кандидатуры на тот

⁵³ Report of the 30-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1930, p. 203–204.

⁵⁴ *Shepherd J.* Op. cit., p. 263. В октябре 1932 г. О. Мосли основал Британский союз фашистов.

⁵⁵ *Postgate R.* Op. cit., p. 286.

⁵⁶ Об этих событиях подробнее см.: *Суслопарова Е.А.* Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. – Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2009, № 1.

⁵⁷ *Joyce P.* Op. cit., p. 225. Еще несколько депутатов представляли отдельную фракцию НРП, которая вскоре покинула лейбористские ряды.

момент не было⁵⁸. “Лидером” за стенами парламента остался А. Гендерсон. Однако подобная практика была необычна и неудобна. Через год А. Гендерсон официально попросил сложить с него полномочия. Единоличным лидером лейбористской партии в парламенте и вне его по традиции стал Дж. Лэнсбери.

“ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ЛИДЕР ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ОППОЗИЦИИ”

Обеспечить достойную работу оппозиции на том уровне, к которому все привыкли в период лидерства Макдональда, когда лейбористы традиционно имели по 140–150 депутатов, было непросто. В определенной мере начало 30-х годов стало периодом безвременья. “В какой-то момент показалось, что все, во имя чего мы работали и боролись, потеряно”, – писал Лэнсбери впоследствии⁵⁹. Партии, после раскола второго кабинета Макдональда, в условиях отсутствия в Палате общин на передней скамье представителей “старой гвардии”, явно не хватало уверенности и элементарного парламентского мастерства.

Р. Постгейт вспоминает, что Лэнсбери в свои 72 года практически прирос к своему месту на передней скамье оппозиции, поскольку пропускать заседания даже по уважительной причине он просто не мог себе позволить. Имея очень скромный выбор, ему приходилось не просто подбирать ораторов по каждой теме и законопроекту, но и следить за их выступлениями. “Говори громко. Выше голову”, – пронзительный шепот Лэнсбери в адрес того или иного нерадивого оратора был слышен даже на галерее для посетителей, пишет его зять. Это вызывало иронию у свидетелей. У Черчилль, после того, как Лэнсбери позволил себе в парламенте критику в его адрес, впоследствии пренебрежительно отозвался о нем как о “так называемом лидере так называемой оппозиции”⁶⁰. Перефразируя упомянутое выше замечание С. Болдуина 1926 г., пожалуй, можно сказать, что “старый сторожевой пес” отныне не просто сидел в гостинной, но и по мере сил дирижировал лейбористским оркестром.

Р. Постгейт утверждает, что Лэнсбери чуть ли ни умолял Дж. Мэкстона, харизматичного представителя НРП, составить ему компанию на передней скамье. Однако к тому времени отношения между официальной лейбористской партией и гораздо более левой НРП стали настолько напряженными, что последняя официально вышла из лейбористской партии решением специально созванной конференции в июле 1932 г., и Лэнсбери едва ли мог этому воспрепятствовать.

Несмотря на скепсис консерваторов, парламентская фракция во главе с Лэнсбери выдержала этот непростой период. Она приветствовала Вестминстерский статут, одобренный британским парламентом в декабре 1931 г. и содержавший определенные уступки в пользу британских доминионов. Лейбористы, хотя их ряды сильно поределели, в 1931–1932 гг. по-прежнему выступали за свободу торговли и против перехода “национального правительства” к протекционизму. В целом партия в начале 30-х годов в условиях экономического кризиса эволюционировала влево в сравнении с умеренным курсом Макдональда 20-х годов. Однако, несмотря на то, что Лэнсбери был первым за многие годы представителем левого крыла на посту лидера, он не был готов двигать ее слишком далеко в этом направлении. Причиной, судя по всему, был возраст и накопленный к тому времени жизненный опыт.

Если же оценивать стиль лидера Лэнсбери, то он, конечно, был в большей степени “командный игрок”, нежели одиночка. Среди главных членов его “команды” начала 30-х годов можно выделить заметно выдвинувшихся в тот период относительно молодых парламентариев – К. Эттли и С. Криппса. В Эттли, пишет Р. Постгейт, Лэнсбери привлекли ясность ума, безграничная работоспособность и бесценное умение поглощать и классифицировать огромное количество информации. Однако любопытно, что

⁵⁸ *Shepherd J. Op. cit.*, p. 282.

⁵⁹ *Labour Magazine*, 1933, v. XII, № 2, p. 60.

⁶⁰ *Postgate R. Op. cit.*, p. 278–279.

главным своим приемником, по свидетельству зятя, Лэнсбери в те годы видел все же не Эттли, а Криппса. Он восхищался силой его интеллекта, и симпатия была взаимной, вспоминает Постгейт. “Каждый день я благодарен Вам за вашу дружбу и ваше руководство”, – писал Криппс своему наставнику в одном из писем. Впрочем, Лэнсбери видел в молодом друге и черты, которые его настораживали, – чрезмерную гордость и подчас нежелание слушать мнение окружающих. “Стаффорд, ты не слышал ни слова из того, что я сказал”, – часто повторял ему Лэнсбери⁶¹.

В марте 1933 г. умерла Бэсси Лэнсбери. Стремясь как можно меньше времени проводить дома, Джордж много ездил и выступал. В итоге чересчур многочисленные для пожилого человека митинги и собрания закончились несчастным случаем. Лэнсбери упал со ступенек после очередного публичного мероприятия, сломал бедро и пролежал в больнице почти семь месяцев, с декабря 1933 г. по июль 1934 г. В этот период Эттли серьезно укрепил свои позиции в качестве временного руководителя парламентской лейбористской фракции.

Находясь в больнице, Лэнсбери написал серию статей, положенных в основу изданной в 1934 г. книги “Моя Англия”⁶². Его Англия была страной с широкими социальными гарантиями, не знающая бедности и нищеты, бесклассовым обществом, где земля и природные ресурсы находились в собственности государства. Осенью 1934 г. ежегодная лейбористская конференция одобрила новую левую по своему содержанию партийную программу “За социализм и мир”⁶³. Впрочем, сам Лэнсбери во время ее подготовки находился в больнице и практически не участвовал в ее обсуждении.

Тем временем международная обстановка становилась все более напряженной. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, Германия приступила к наращиванию военной мощи, в октябре 1935 г. Муссолини напал на Эфиопию. На этом фоне проблема “вооружаться” или “разоружаться” приобретала особую актуальность. Для Лэнсбери, всю жизнь являвшегося убежденным пацифистом, наращивание вооружений и применение военных санкций были категорически неприемлемы. Он всегда считал, что сопротивление злу посредством насилия лишено всякого смысла. Апогей конфликта между лидером и основной партийной массой наступил на ежегодной лейбористской конференции в октябре 1935 г., совпавшей с началом итало-абиссинской войны. Полагая, некоторым моим друзьям невыносимо осознавать, что на конференции в качестве лидера выступает человек, кардинально несогласный с ними, заявил Лэнсбери в своем известном выступлении на конференции против резолюции в пользу применения против агрессора всех возможных санкций, в том числе и военных. “Я верю, что насилие никогда не способствовало миру, и никогда не приведет к стабильному миру... Бог создал нас, чтобы мы жили в мире и согласии друг с другом”⁶⁴.

Последовавший ответ Генерального секретаря профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих Э. Бевина был грубым и вызывающим. По свидетельству находившихся близко к трибуне делегатов, ругательство оратора в официальном отчете было впоследствии предусмотрительно сглажено. Текст, оставшийся на долю исследователя, лишь отчасти передает настрой профсоюзного функционера. “Исполком и все наше движение окажутся в совершенно ложном положении, если каждый начнет выкладывать на публичное обозрение свою душу, спрашивая, что же с ней делать”, – пренебрежительно заявил Бевин по поводу выступления Лэнсбери⁶⁵. Бевин гордился этой речью, а тем, кто впоследствии обвинил его в излишней резкости, ответил: “Лэн-

⁶¹ Ibid., p. 279–281.

⁶² *Lansbury G. My England*. London, 1934.

⁶³ *For Socialism and Peace. The Labour Party's Programme of Action*. London, 1934.

⁶⁴ *Report of the 35-th Annual Conference of the Labour Party*. London, 1936, p. 175–177.

⁶⁵ Ibid., p. 178. Комментарии относительно “не вошедших в протокол” слов см.: *Shepherd J.* Op. cit., p. 325–326.

сбери в течение многих лет расхаживал в одеянии святого, ожидая мучений. Я просто поджег костер”⁶⁶.

Едва ли Джордж Лэнсбери заслуживал подобной “публичной казни”. Даже Генеральный секретарь БКТ У. Ситрин, отсутствовавший на этой конференции, но прекрасно осведомленный о произошедшем, писал в своей “Автобиографии”, что выступление Бевина было “излишне грубым”⁶⁷. Как только Бевин спустился с трибуны, Лэнсбери направился к микрофону, но он оказался выключен, что напомнило трагическую сцену, имевшую место несколько десятилетий назад на либеральной конференции в Манчестере в 1889 г. Лэнсбери заявил, что будет говорить настолько громко, чтобы слышали все, пока микрофон не включат. Однако ему толком так и не дали слова. Самым неприятным для Лэнсбери, пожалуй, оказалось то, что в эту минуту его никто не поддержал. Только Г. Моррисон, когда Лэнсбери спускался с трибуны, пишет Р. Постгейт, пожал ему руку, сказав: “Не отказывайся от своих убеждений, Джордж”. На следующий день резолюция в пользу санкций, в том числе военных, была одобрена конференцией подавляющим перевесом голосов⁶⁸.

Через несколько дней, на первом же собрании парламентской фракции лейбористской партии, Лэнсбери объявил о своей отставке. Однако большинство лейбористов парламентариев отказалось ее принять. Учитывая пережитое на конференции, Лэнсбери настоял. Его место занял К. Эттли, со временем приведший лейбористов к триумфальной победе на выборах 1945 г. Важно отметить, что, если вопрос о необходимости применения против агрессора “всех санкций” для партии был решен, то проблема увеличения государственных расходов на перевооружение еще несколько лет лихорадила ее ряды. Только в 1937 г. лейбористы начали четко и последовательно выступать в поддержку перевооружения Англии.

НА СТРАЖЕ МИРА

Последующие годы Лэнсбери, по-прежнему оставаясь членом парламента после победы в Боу энд Бромли на выборах в ноябре 1935 г., посвятил тому, чтобы предотвратить надвигающуюся войну. Он вынашивал идею созыва международной конференции с участием главных мировых держав с тем, чтобы наконец окончательно договориться о недопущении войны. Пожалуй, он считал это своей последней миссией. Лэнсбери объездил множество стран. Весной 1936 г. он отправился в США, где за шесть недель посетил 27 крупных городов и встретился с президентом Ф. Рузвельтом, который, как ему показалось, отнесся к идее благожелательно. Затем он направился в Париж, где имел аудиенцию у французского премьер-министра Л. Блюма, далее в Брюссель, в скандинавские страны⁶⁹.

Однако скептики справедливо указывали ему, что Лэнсбери скорее следовало обращаться к лидерам тех государств, которые являлись источником военной опасности, нежели к мирным державам. Он услышал критику. В 1937 г. Лэнсбери поехал в Германию и 19 апреля встретился с Гитлером. Беседа длилась два с половиной часа. Лэнсбери прибыл как частное лицо. Переводчик Р. Шмидт писал впоследствии, что “пожилой джентльмен из Англии” едва ли в полной мере осознавал, что пацифист не мог ни в чем повлиять на взгляды нацистского диктатора. Герой этого очерка, судя по всему, убедил себя в обратном. Даже Р. Постгейт был вынужден признать, что фюреру, похоже, удалось “очаровать” Лэнсбери. “Он не начнет войну, пока другие его к этому

⁶⁶ Williams F. Ernest Bevin. Portrait of a Great Englishman. London, 1952, p. 196.

⁶⁷ Citrine W. Men and Work: An Autobiography. London, 1964, p. 352.

⁶⁸ Историю с выключенным микрофоном подробно описывает зять Лэнсбери: *Postgate R.* Op. cit., p. 304. В официальном протоколе конференции этот эпизод предусмотрительно сглажен: Report of the 35-th Annual Conference of the Labour Party, p. 180.

⁶⁹ *Postgate R.* Op. cit., p. 313.

не подтолкнут”, – наивно сообщал Джордж о намерениях Гитлера в письме своему коллеге лейбористу К. Аллену⁷⁰.

Дж. Гриффитс, один из профсоюзных руководителей, присутствовавший во время этой беседы, вспоминал, что, когда Лэнсбери поднял еврейский вопрос, Гитлер разразился столь гневной тирадой, что едва ли Лэнсбери был “очарован” и ею. “Не угрожайте себя переводом, – обратился он к Р. Шмидту, – мне понятен ответ”⁷¹. Пожалуй, Лэнсбери в очередной раз вынес для себя из этой встречи и запомнил только то, что хотел и ожидал услышать. Это его не оправдывает, скорее лишь характеризует.

В дальнейшем Лэнсбери встречался с Муссолини, с руководителями Чехословакии, Польши, Австрии, Румынии, Югославии, Венгрии. Он приветствовал Мюнхенский договор 1938 г., как и многие современники поверив, что он поможет предотвратить мировую войну. С другой стороны, в эти годы Лэнсбери не только “вital в облаках”. В 1939 г. он стал председателем Фонда поддержки польских беженцев, активно занимавшегося спасением еврейских детей из Восточной Европы. Чуда не случилось. 3 сентября 1939 г. пацифист Лэнсбери вынужден был признать в стенах Палаты общин, что дело, за которое он боролся, “сегодня утром, очевидно, превращается в прах”⁷².

Джордж Лэнсбери скончался 7 мая 1940 г. в больнице.

* * *

Всю жизнь Лэнсбери жил скромно и не стремился к роскоши. Даже когда он стал министром, в его привычках мало что изменилось. Каждое утро Лэнсбери видели на улице, направлявшегося к автобусной обстановке или метро, чтобы доехать до Уайтхолла. Только после травмы ноги, в 75 лет, он пересел в автомобиль. Никакого наследства после себя Лэнсбери практически не оставил. Он был отцом 12 детей, двое из которых умерли в раннем детстве. Несмотря на это, можно сказать, что Лэнсбери являлся счастливым главой семейства. Жена “разделяла все мои радости и печали, провалы и успехи”, – отмечал он⁷³. Двери его дома всегда были открыты для тех, кто нуждался в деньгах, помощи или совете. Сын Лэнсбери Эдгар с юмором писал, что многие члены парламента предусмотрительно предпочитали жить подальше от своего избирательного округа. Поток же посетителей к Лэнсбери, практически всю жизнь прожившему в районе Боу энд Бромли, был ежедневным и нескончаемым⁷⁴.

Британские историки обращают внимание на то, что Лэнсбери ни в коей мере нельзя назвать великим мыслителем или теоретиком лейбористского движения⁷⁵. Пожалуй, он вообще не был “великим” и никогда не претендовал на подобный статус. Тем не менее без таких людей представить себе историю английской социал-демократии XX в. едва ли возможно. Лэнсбери служил идеям, в которые верил, совершенно бескорыстно, преданно, на протяжении десятилетий, не требуя ничего взамен. Он прожил очень долгую жизнь. Как справедливо пишет его зять, Лэнсбери застал страну, где ни один рабочий не имел права голоса, где слово “социализм” было полностью забыто, последнее чартистское общество распущено, а тред-юнионы не объединяли даже одного рабочего из 20. К концу межвоенного периода Британия имела всеобщее избирательное право, два лейбористских правительства и сильнейшую профсоюзную организацию⁷⁶. Лэнсбери был среди тех, кто боролся за это и сделал это возможным.

⁷⁰ *Shepherd J. Op. cit.*, p. 340; *Postgate R. Op. cit.*, p. 314.

⁷¹ *Shepherd J. Op. cit.*, p. 340.

⁷² *Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons*, v. 351, col. 299. В 1940 г. Лэнсбери опубликовал последнюю книгу “Эта дорога к миру”. В ней он по-прежнему призывал к всеобщему разоружению и не отказывался от своих пацифистских воззрений: *Lansbury G. This Way to Peace*. London, 1940.

⁷³ *Lansbury L. Looking Backwards and Forwards*, p. 130.

⁷⁴ *Lansbury E. Op. cit.*, p. 66–68.

⁷⁵ См., например: *Schneer J. Op. cit.*, p. 4, 199.

⁷⁶ *Postgate R. Op. cit.*, p. 1.

Можно согласиться с мнением его биографа, что в межвоенные годы, до появления телевидения, лишь очень немногие лейбористские политики были столь же хорошо, как Лэнсбери, узнаваемы в лицо по всей стране⁷⁷.

Был ли Лэнсбери наивен и недостаточно прозорлив? В какой-то мере да. Отдельные его высказывания, приведенные на страницах этого очерка, служат тому подтверждением. Р. Постгейт, со своей стороны, полагает, что Лэнсбери был “чрезмерно добр”, но, на его взгляд, эта доброта не была синонимом простодушия. Те, кто был знаком с Лэнсбери до 1935 г., пишет Постгейт, прекрасно помнят, что ему были свойственны тонкая наблюдательность и политическое чутье. Он мог быть хитрым с оппонентами и тактичным с друзьями⁷⁸.

Непоколебимый пацифизм Лэнсбери уходил корнями в глубокую религиозную веру, и едва ли кто-то или что-то могло изменить убеждения всей его жизни в предвоенные 30-е годы. Его уход с поста лидера лейбористской партии в 1935 г. в обстановке, когда настроения в ней стремительно менялись, был вполне закономерен. Дж. Шеперд в своей работе, написанной в период премьерства “нового лейбориста” Т. Блэра, называет Лэнсбери “старым лейбористом”. Без сомнения, так оно и было. Он верил в национализацию экономики, в IV пункт лейбористского Устава, в старые коллективистские ценности. Для человека, родившегося в середине XIX в., эти, так и не реализованные при его жизни идеалы, сохраняли свою неизменную ценность и значение на протяжении всех лет его политической деятельности.

⁷⁷ *Shepherd J.* Op. cit., p. 246.

⁷⁸ *Postgate R.* Op. cit., p. 2–3.